

11 СЕН 1983

Омская Правда
г. Омск

СТРАНА

ТРУДНО ЛИ БЫТЬ АЛЛОЙ ДЕМИДОВОЙ?

— Алла Сергеевна, у Вас довольно трудно брать интервью: есть книга Аллы Демидовой «Вторая реальность», где, кажется, Вы ответили едва ли не на все вопросы, которые могут интересовать поклонников Вашего таланта. И все же хочется задать Вам несколько вопросов. Вот первый. Однажды Вы сказали: «моя тема — талантливая женщина», «моя тема — талант». Значит ли это, что Вы непременно имеете в виду те роли, где нужно играть людей творческих профессий, или слово «талант» следует понимать широко, может быть — в философском смысле?

— Мне кажется, что каждый человек талантлив. Главное — найти свое место в жизни. Можно быть талантливым поваром, педагогом, талантливым слесарем — от профессии это не зависит. Но очень часто люди оказываются не на своем пути. Главное — это вовремя найти себя, почувствовать свой талант, выявить его и отдать людям. Вот такие люди мне интересны, — нашедшие себя в жизни.

Талант не бывает злым, то есть, нашедший свое место человек не может быть злым. Злость в основном возникает от неудовлетворенности. Поэтому мне нравятся люди добрые. Талант не бывает неестественным, поэтому мне нравятся люди естественные. Я играла людей с трудными судьбами, потому что талантливому человеку не бывает легко. Талант ответствен за все, за все, что его окружает. Талантливый человек болеет за людей, с которыми он общается и живет, пытается перестроить жизнь.

— Вы по воспитанию вахтанговка, как и многие ваши товарищи в театре (окончили Шуйкинское училище). Как сказывается эта школа в вашей практической, творческой работе? Или, скажем, так: к чему обязывает вахтанговская школа?

— Художественным руководителем нашего курса была ученица Вахтангова, участница первого спектакля «Принцесса Турандот», прекрасная артистка Анна Алексеевна Орошко. И вот как-то на одном из уроков она нам сказала, видимо, словами Вахтангова: «Знаете, чем отличается вахтанговская школа от, предположим, мхатовской? Вы сидите на стуле, и нужно сыграть, что под вами

лошадь. В других школах учат, что надо относиться к стулу, как к лошади. В нашей же, вахтанговской, надо сидеть на стуле, относиться к нему, как к стулу, но «видеть» себя скачущим».

Я думаю, что вахтанговская школа в вечном движении, в жизни, а жизнь — это не только праздники и будни, это поток, который нас несет, очень бурный, меняющийся, и вот эту энергию потока мы должны передавать со сцены. У нас в театре на Таганке висят в фойе несколько портретов: Станиславский, Мейерхольд, Вахтангов и Брехт. И мы считаем, что основное, что есть в каждом учении, в каждой школе, надо брать в творчество современного театра.

— Все актеры всегда говорят, что им очень хочется сыграть своего современника. Из вашей книги я понял, что Вы тоже не исключение. А почему? Ведь роль современника может быть и отрицательной?

— Говорят, что чувства с веками мало меняются. Я не очень верю в это. Мы не можем чувствовать, как древние греки, например, у нас реакции, ритмы, окраска чувств другие. Мы по-другому любим, по-другому ненавидим. Правда, это не значит, что классика не имеет точек соприкосновения с современностью. Вы, наверное, заметили, что в какое-то время все увлечены то Чеховым, то Львом Толстым. Просто идеи, которые созвучны нашему дню и которые заложены в классических произведениях, находят непосредственный отклик в современности, хотя средства выражения этих идей — современны. Театр — это сегодняшнее искусство. Это рисунки на песке. Сегодня ты рисуешь, завтра волна смывает этот рисунок. Ты опять рисуешь — волна опять смывает, и так до бесконечности. Поэтому хотелось бы сегодняшнему рисунку рисовать с натуры, лепить характеры людей, с которыми ты живешь, которых ты хорошо знаешь, чувствуешь и поэтому можешь точно выразить. Вот почему каждому актеру хочется сыграть своего современника.

— Кажется, Сомерсету Моэму принадлежит мысль, что личность актера состоит из

Заслуженная артистка РСФСР Алла Демидова хорошо известна любителям театра и кино. Омичи могут встретиться с ней в спектаклях Московского театра драмы и комедии на Таганке, дающего гастроли в нашем городе. Читателям газеты предоставляется возможность ближе познакомиться с популярной актрисой, любезно согласившейся ответить на вопросы корреспондента. Беседует с Аллой Демидовой критик, кандидат филологических наук Сергей ПОВАРЦОВ.

всех тех ролей, которые он сыграл. Как Вы это понимаете с позиции современной русской советской антрисы, исходя из личного творческого опыта?

— Кажется, Гете принадлежит мысль, что творец выше своего произведения. То есть Гете выше, предположим, «Вертера». Мне кажется, это относится ко всем творческим профессиям, и к актерской тоже. Можно, очевидно, найти роль, где попытаешься полностью воплотить себя (это бывает очень редко). Но проходит время, и ты понимаешь, что стал чувствовать и думать по-другому и что роль надо играть по-другому, и что эта роль уже полностью не может передать то, что ты хочешь.

Роли — это грани характера актера. Знаете, как в детской игре: сегодня ты играешь в дочку-матери, завтра — в Соловья-разбойника. Но это не значит, что ты только нежен или только жесток. Главное — постараться, чтобы этих граней было больше.

— Что Вы больше всего цените в партнере?

— Ну, естественно, талант. Стало быть, — гибкость, слух, вкус, внутреннюю музыкальность. И единомыслие.

— А в человеке?

— Я лучше скажу, что мне больше не нравится в нем. Мне не нравится тупость, черствость, агрессивность, эгоизм. А

все остальное — почти — я приемлю.

— В первом номере журнала «Литературное обозрение» за этот год напечатана ваша статья «Роли и годы». Меня особенно заинтересовала такая фраза: «Со смертью Высоцкого, я думаю, закончился определенный этап истории нашего театра». И далее говорится о «стилистике Таганки». Считаете ли Вы, что Владимир Высоцкий являлся наиболее ярким выразителем этого стиля, сложившегося в 60-е годы?

— Да, да, конечно. Высоцкий — явление, в котором воплотились действительно наиболее ярко мысли, идеи, средства выражения нашего пятнадцатилетия 60 — 70 годов.

— Ваша последняя, то бишь новая роль в театре?

— Последняя роль в спектакле — Маша в «Трех сестрах». Для нас это была принципиальная работа, этапная. Хотя Чехова я играю не в первый раз (я играла Аркадину в «Чайке», но это было в кино). На нашей сцене я играла Раневскую в «Вишневом саде», то была постановка Анатолия Эфроса. А над «Тремя сестрами» работал наш главный режиссер Юрий Петрович Любимов. Это его первая чеховская постановка.

В репетиционном периоде сейчас — роль Марины Мнишек в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». И хочу сделать моноспектакль по Беккету — «О, прекрасные дни».

— Совсем недавно мы узнали, что Вы снимаетесь в новом фильме И. Таланкина по рассказу Ю. Нагибина «Терпение». Как идет работа?

— Перед Омском мы целый месяц снимали на острове Валаам натуру. Там была вся группа и мои партнеры — Алексей Баталов и Владислав Стржельчик. Сейчас я на гастролях, группа в простое. Ждут. Приеду, начнутся опять съемки.

— Вы пришли на сцену из университетской среды: окончили экономический факультет МГУ и преподавали политэкономии. Судя по некоторым вашим публичным заявлениям, желание вернуться в университет иногда посещает Вас в моменты кризисов. Это что — слабость или тоска по первой профессии?

— Ни то, ни другое. Как в

летний жаркий день иногда хочется окунуться в холодную воду, так иногда после театра хочется заняться чем-нибудь диаметрально противоположным.

— Следите ли Вы за той новой литературой, которая выходит по политэкономии?

— У меня много друзей университетских, которые стали докторами наук, профессорами. Они пишут книги, учебники, иногда дарят мне, так что читать приходится.

— А семинар сейчас могли бы провести? Ну, если не на факультете, то среди своих товарищей по сцене...

— Конечно. И не только среди партнеров, но также и на философском факультете МГУ, где я вела семинары. Знания не уходят. Достаточно посидеть полдня в библиотеке (я же знаю, где и как искать материал), и тема будет определена.

— В детстве Вы вели дневник. А теперь? Найдется ли в нем место для Омска?

— Да, да. Конечно.

— Какое впечатление произвел на Вас Омск? Есть ли какие-нибудь особые впечатления?

— Лучшие, чем я ожидала. Меня поразили зритель в театре. Такая тонкость восприятия, чуткость к фальши, бывает только на премьерах, когда в зале профессиональная, подготовленная публика. Город, к сожалению, еще не успела посмотреть, потому что каждый день выступления. Но ощущение зелени, простора остается.

— Не приходило ли Вам в голову, что у каждого знамени того актера в один прекрасный день появляется еще одна роль, с которой он не расстанется до конца жизни. — он сам?

— Вы знаете, это не роль. Это, можно сказать, тема. Тема жизни, творчества, главная идея.

— Ну, и тогда в связи с этим позволительно полюбопытствовать: трудно ли быть Аллой Демидовой?

— Трудно. Мне труднее всех. — Что бы Вы хотели пожелать омичам и особенно тем, кто любит театр на Таганке?

— Тем, кто любит театр на Таганке, желаю побывать в Москве, посмотреть нас в нашем доме (потому что гастролы — это всегда потери), посмотреть наши последние работы... И верить в наш дальнейший путь.

Фото М. Фрумгарца.